

"Сум!"

Чэн Цзя был ошеломлен звонком, и когда он увидел панику на тропинке, он поспешно встал, и увидел Янь Саня, обнимающего Лин Цинъюй и спешащего прочь от него, его сердце внезапно сжалось, и он бросился к нему.

"В чем дело?" Янь Сань уже посадил Лин Цинъюй в карету, поспешив к ней, тон Чэн Цзя был встревоженным.

"Ничего." Янь Сань взглянул на него и сказал.

"Дин Дун", - позвал Линь Цинъюй из кареты, и когда Дин Дун появился перед каретой, он сказал: "Скажи всем, что все в порядке, но вчера я съел свой желудок. Через пять дней после Фэншэна я не хочу видеть никаких упущений".

"Да!" несколько человек снаружи ответили глубоким голосом, а затем повернули обратно к причалу.

Пока Янь Сань разворачивался, Чэн Цзя бросился в карету. Увидев бледное лицо Лин Цинъюй и капли пота, он немного заволновался и спросил "Как дела?".

"Спускайся." Янь Сань бесцеремонно потянул его за собой.

Линь Цинъюй легонько потянул Янь Саня, а потом сказал: "Ничего страшного, это женские дела, ты же знаешь".

Женские дела? Чэн Цзя безучастно посмотрел на нее, а потом вдруг, покраснев, вышел.

Эта женщина!

Янь Сань положил ладонь ей на живот и обеспокоенно сказал: "Уже лучше".

Лин Цинъюй нахмурилась и ответила: "Больно".

Янь Сань обнял ее, сжал две ладони вместе и сказал: "Давай потом еще раз сходим в море".

"Нет, я лучше пойду на море, чтобы оттянуть время. Я не могу его отложить. Позже все изменится". Линь Цинъюй покачал головой.

Но ты был таким болезненным только что! Янь Сань почувствовал боль в сердце, но не стал говорить, а только усилил дыхание в своей ладони.

Похлопав Янь Саня по руке, Линь Цинъюй сказал: "Не волнуйся, все в порядке. Тебе не обязательно получать его каждый раз в течение нескольких дней. После этого все будет в порядке". Просто в этот раз ситуация действительно особенная. Боль, по оценкам специалистов, за те несколько минут, что у нее кружилась голова, напугала их до смерти.

Ван Сюаньчжи триумфально вернулся в сад Ванъюй, готовясь рассказать противной женщине, что его пригласили посмотреть прилив в Цяньтане, но получил известие, что здоровье Дань Лина нездорово. Я боялся, что в последние дни он не сможет передвигаться, но он уже был назначен к отъезду через пять дней. Время не терпит отлагательств, и они должны быть подготовлены индивидуально".

"Что случилось!" Ван Сюаньчжи был так зол, что растерял всех поклонников.

"Она сегодня потеряла сознание на причале". облегченно сказала Чэн Цзя, наливая ему чашку чая.

Один из Ван Сюань был ошеломлен и сказал: "В чем дело? Какая болезнь?"

Чэн Цзя сделал глоток чая и не ответил. Он действительно не мог ничего сказать о ежемесячных женских делах.

"Я посмотрю". Ван Сюаньчжи встал и сказал.

"Она сказала, что через пять дней, через пять дней, теперь ты не сможешь войти". Чэн Цзя склонил голову.

"Понаблюдаем за приливом завтра..."

"Иди, я поглазею на лорда Сюя".

Ван Сюаньчжи посмотрел на Чэн Цзя. Сегодня его пригласили в высшем свете. Если он не может этого сказать, он не может позволить себе потерять лицо, но сейчас в его сердце раздался вздох облегчения. Он не знает, из-за чего это произошло: из-за этой женщины или из-за болезни этой женщины.

Когда Ван Сюань ушел, в саду Ванью стало намного чище. Чэн Цзя утром отправился к Сюй Чангу, а после обеда пошел на задний двор.

"Господин Чэн, пожалуйста, вернитесь". сказал Ин Шисань, загораживая ворота двора. Охранник Чэн Цзя вытащил за спиной нож.

"Вы возвращайтесь". сказал Чэн Цзя свите, стоявшей позади него.

Обработав остальных, Чэн Цзяфань улыбнулся и сказал: "Ваша хозяйка использовала Чэна как противоядие. Теперь ты собираешься потерять его?"

Ин Тринадцатый был ошеломлен, а Чэн Цзяфань снова улыбнулся: "Если ты непустишь меня, я расскажу об этом".

Ин Тринадцатая была ошарашена и подмигнула Сум.

Су Му толкнул дверь, ворвался в комнату и сказал Линь Цинъюю, который сидел на кровати и пил воду с коричневым сахаром и ****: "Хозяин, мастер Чэн сказал, что если вы непустите его, то скажете мне противоядие".

Пых! Из рта Линь Цинъюя выплеснулась **** вода, этот человек! Как ты можешь быть таким негодяем!

Увидев, что Янь Саньцунь встал, Линь Цинъюй подтянул его к себе и сказал: "Забудь об этом,пусти его, он тоже мне помог".

"Господин Чэн что-то?" без улыбки спросил Линь Цинъюй, сидя на изголовье кровати.

Чэн Цзя нашел стул и сел. Он внимательно посмотрел на нее некоторое время и сказал: "Если

у меня будет время съездить в Бяньцзин, я попрошу врача показать тебя".

"Хе-хе, твой императорский доктор выглядит плохо, он заболевает". Линь Цинъюй успокоился и улыбнулся.

"Или это из-за... этого коварства?" осторожно спросил Чэн Цзя, поколебавшись.

Линь Цинъюй кивнул и улыбнулся без слов.

Чэн Цзя тоже промолчал, но молча смотрел на нее.

Атмосфера была слишком странной, Линь Цинъюй кашлянул и сказал: "Хотя вода уже отступила, там должно быть много всего. В это время ты отправляешься на иностранную миссию и делаешь это так просто и поспешно. Не слишком ли поздно?". На этот раз дорога не пострадала, поэтому Линь Цинъюй потребовалось два дня, чтобы перестроить свой менталитет после возвращения в Ханчжоу, где горести были повсюду.

Лицо Чэн Цзя слегка опустилось, и он сказал: "Несколько специй во дворце почти израсходованы, включая любимое благовоение императора "Рождение дракона". Император был в ярости. Он лично приказал, чтобы специи были израсходованы в течение трех месяцев. В предыдущие годы страны Фаньвэй приходили платить дань, но в этом году, хотя страны Фаньвэй тоже пришли платить дань, они привезли Ван Яншу, чтобы выразить протест против Да Чжоу. В то же время пряности, привезенные в этом году, тоже жалкие.

Дун Сянбянь предлагает Да Чжоу послать ангелов в разные страны, один из которых должен умиротворять страны, а другой - собирать пряности, особенно те, которые нужны императору, и приносить их обратно в Да Чжоу".

Линь Цинъюй подумал, что Книга Десяти Тысяч Слов, должно быть, была создана Чжу Вэйли. Это было ее намерение уменьшить количество специй для дани. Я хотела уменьшить источник специй, чтобы иметь возможность контролировать его. Кто знает, что люди не так хороши, как небеса. Это расценивается как раздражение императора. Значит, не повезло тебе?

"Тогда зачем ты здесь?" спросил Линь Цинъюй. По здравому размышлению, Чэн Цзя должен быть озабочен тем, чтобы разобраться с зоной бедствия в это время. Как он мог прийти, чтобы взять на себя эту миссию, похожую на пиратство?

Чэн Цзя усмехнулся и улыбнулся Янь Сану: "А что, для гостей нет чашки чая?"

Янь Сань посмотрел на Сян Линь Цинъюй, и увидев, что она кивнула, вышел из комнаты и попросил Се Сабуро принести воды.

"Цзя всегда хотел поехать в Фанвай, чтобы посмотреть. Если у тебя будет такая возможность, ты ее не упustiшь". Чэн Цзя улыбнулся. Еще при дворе, хотя его и повысили до третьего уровня, он поступил в Императорскую академию по уговору отца. Тогда его попросили не вмешиваться в эту катастрофу. Вместо того чтобы обижаться на Бяньцзин, лучше воспользоваться случаем и пойти посмотреть. Более того, в то время он думал, что император не может ждать, пока правительство построит морской корабль в качестве корабля миссии. Гражданские корабли должны быть реквизированы. В Да Чжоу мало морских судов, которые могут выйти в море. На этот раз меня критиковали все другие страны, и осталась только лодка Линга. Ему лучше быть хозяином, чем другим.

Линь Цинъюй слегка покачал головой и сказал: "Чэн Цзя, я сказал кое-что для

обезглавливания. В этот момент император только и думал, что о недостаточном количестве благовоний.

Он без колебаний потратил кучу денег, чтобы найти благовония, но не заботился о жизни и смерти людей Ли. Типа император, хам".

Чэн Цзя был поражен, затем улыбнулся и сказал: "Конечно, если я хочу обезглавить, то просто не могу ничего сделать, если я придворный".

Янь Сань поставил воду и чайные пирожные на стол, отошел немного назад и встал у двери. Мастерство Чэн Цзя в заказе чая просто превосходно, и Лин Цинъю это очень понравилось.

Линь Цинъю замолчал, просто наблюдал, как Чэн Цзя замечательно заказывает чай, затем взял чашку с ароматным чаем и сделал глоток.

"Эти **** хорошо отдохнули, а Цзя займется другими делами".

Ван Сюаньчжи наблюдал за приливом в Цяньтане в течение трех дней. Чэн Цзя приготовил все предметы из списка наград, выданных Чжэншитаном. В качестве методов использовались шантаж и обман под высоким давлением. Он использовал все из особняка Ханчжоу, дороги Лянчжэ и семьи Ван Цядуна. В руки купцов брали официальные документы из зала политических дел и приносили подписи ангелов его миссии для завершения пунктов.

Люди также приходили и уходили на пристань Линьцзя, а Иньши и Ингера также вызвал Янь Сань.

На четвертый день Линь Цинъю попросил Дин Дуна отвести Чэн Цзя в Фэншэнь, посмотреть каюты для их людей, а затем погрузить товары для вознаграждения.

На пятый день на пристани Ханчжоу было оживленно, как в праздник, и все маньчжурские чиновники были отправлены провожать делегацию Дачжоу.

Все пятьсот императорских солдат были облачены в доспехи, величественные и величавые. Главный посланник и его заместители были в серьезных малиновых официальных мундирах. Они были молоды и красивы, и их поведение заставляло кричать снова и снова.

Выпив прощального вина и прочитав речь о поездке, два таланта выступили вперед, и группа сопровождала их на нескольких маленьких лодках с внушительным видом сильного человека, который никогда не собирался возвращаться к припаркованному во внешней гавани "Фэншену".

Ван Сюаньчжи не ожидал, что "Фэншен" настолько огромен, что на него можно смотреть издалека. Вблизи же ему приходилось смотреть вверх, и он не мог увидеть всю картину этого чудовища.

На Фэншене спустили канаты, и тяжеловооруженные запретные войска были немного ошеломлены, но гонги и барабаны на берегу все еще били. Они не должны были стыдиться в это время и должны были подниматься один за другим.

Когда Чэн Цзя увидел веревку, свисающую с лодки, он на мгновение опешил, а затем слегка улыбнулся. Он пришел накануне и все еще спускал корзину, чтобы подтянуть людей, но теперь это была веревка из сетки, обида Линь Цинъю была очень глубока. ...

"Сын?" Бансюэ посмотрела на веревку и позвала Ван Сюаньчжи.

Увидев, что Чэн Цзя забрался наверх вместе со своим халатом, Ван Сюаньчжи тоже стиснул зубы и сказал: "Забирайся!".

Матросы, которых поприветствовал Чуаньсюань, все были большегрудыми и свирепыми. Вытянув руки, они подняли их вверх и, словно морковку, подняли запретные войска на палубу.

Чэн Цзя и Ван Сюаньчжи последовали за ними.

Снизу я почувствовал, что корпус корабля огромен, а когда поднялся на палубу, понял, что палуба еще огромнее. Пятсот солдат бан и множество матросов не чувствовали себя тесно, стоя на ней.

"Все поднимаются?" спросил Линь Цинъюй, высунув голову из рубки.

Шэнь Чжан взглянул и увидел, что последний тоже поднялся, поэтому он сделал жест.

"Мой господин, вы все еще провожаете на берегу? Не надеваете величественный образ?" Линь Цинъюй улыбнулся двоим на палубе, а затем громко сказал: "!"

"Сейчас!"

"Якорь!"

"Отплытие!"

"Вверх!"

На палубе раздалась серия криков, и каждый приказ был передан, из-под корабля протянулся длинный вал, все паруса были подняты, и "Фэншень" медленно двинулся.

"Командир Чжан". Чэн Цзя вызвал главу императорской армии.

"Собирайтесь! Построиться!" Командир Чжан пришел в себя и поспешно крикнул.

Имперские солдаты стояли рядами рядом с Чуаньсюанем, обратившись лицом к Дачжоуской пристани с серьезными выражениями лиц.

"Это действительно могущественно, мой великий господин Чжоу".

"Это так красиво, мой ангел Да Чжоу".

"Здесь так много людей!"

На причале было много обсуждений, и после того, как тень огромной морской лодки полностью исчезла, она медленно рассеялась.

Береговая линия исчезла, и со всех сторон раскинулись бескрайние моря. Чжан Тунлин вздохнул с облегчением и повернул голову, чтобы посмотреть на Чэн Цзя и Ван Сюаньчжи. Вы двое отдали приказ, разве мы не должны быть здесь для украшения?

Если оглянуться назад, там все еще есть люди.

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2525891>